

Одна из самых ожидаемых книг года
Готовится экранизация от **NETFLIX**

18+

44

главы

О ЧЕТЫРЕХ
МУЖЧИНАХ

Б И Б И

И С Т О Н

Биби Истон

44 главы о 4 мужчинах

Серия «Всё о моих мужчинах»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50194622

44 главы о 4 мужчинах: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-106592-8

Аннотация

Биби около 10 лет замужем за Кеном, высоким, эффектным шатеном, финансистом. У них счастливый брак, хороший дом, двое детей. Биби не хватает только одного – разнообразия сексуальной жизни. Ее темперамент и энтузиазм заметно превосходят желания мужа.

В попытках что-либо изменить Биби начинает вести интимный дневник, вспоминая дни своей бурной молодости: байкеры, панк-рокеры, отчаянный и безбашенный секс, веселье и рок-н-ролл.

Когда муж случайно находит ее дневник, Биби по совету подруги, доктора психологии, начинает писать в нем еще и выдуманные истории с целью пробудить в муже эмоции – желание, ревность, интерес.

Из-под пера Биби выходят четыре истории. Про отвязного Рыцаря, ее бойфренда в старших классах. Про типичного плохого парня Харли, который был после. Про рок-звезду Ганса. А

также про самого Кена Истона, ее главного мужчину, ставшего законным супругом.

Содержание

Примечание автора	6
Предисловие	8
Краткий словарь	11
1. Мубот	14
2	21
3	29
4	37
5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Биби Истон

44 главы о 4 мужчинах

Я собиралась посвятить эту книгу своему мужу, но, поскольку он не знает и никогда, ни за что не должен узнать о ее существовании, я решила вместо этого посвятить ее тебе, мой дорогой читатель.

B.B. Easton

44 CHAPTERS ABOUT 4 MEN

Copyright © 2016. 44 Chapters About 4 Men by B.B. Easton

В оформлении обложки использованы фотографии:

© Jaroslav Monchak, Tony Bowler, nakaridore, Anatoliy Karlyuk / Shutterstock.com

© Бялко А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Примечание автора

Эта книга основана на подлинных событиях, которые были приукрашены, преувеличены и размыты ради забавы и/или из-за обыкновения автора писать спьяну и не проспавшись. Все имена, места и характеры изменены, чтобы защитить личности всех прототипов. Если вам удастся расшифровать настоящую личность мистера Истона или любого другого героя этой книги, автор просит любезно предоставить ей перечень ваших требований в обмен на ваше молчание.

Из-за своей тупости, вульгарности и сексуального содержания эта книга не предназначена детям, и, вероятно, должна быть полностью скрыта, от всех, не достигших восемна-

дцатилетнего возраста.

Предисловие

В общем, так. Даже если вы не получите от этого никакой пользы, по крайней мере, вы сможете сказать своим друзьям, что вам посвятили книжку.

И, между прочим, целый роман. А не какой-то там паршивый рассказик.

По крайней мере, хоть это я могу для вас сделать. В конце концов, именно ради вас я и решила опубликовать эту кучу личных записей, своих дневников, почты и непристойностей. Это жуткое решение (одно из многих жутких решений, о которых вы скоро прочтете), но я делаю это *для вас*.

Видите ли, я школьный психолог, так что коррекция по-

ведения – это, типа, моя работа. Хотите, чтобы ваш ребенок перестал вести себя как козел? Вам ко мне. Хотите понять, есть ли у малыша Джонни аутизм или он просто всерьез увлекся игрой в *Майнкрафт*? Напустите на него меня. Но если вы хотите узнать, как извлечь из вашего холодного, отстраненного, отказывающегося от общения партнера хотя бы каплю привязанности... Хм...

Черт меня побери, если я знаю. В 2013 году мой брак больше напоминал отношения между диваном и его владельцем, чем между мужем и женой, и становился только хуже. До того дня, который изменил все, – до того дня, когда Кеннет Истон начал читать мой дневник.

И тут я обнаружила инновационную психологическую технику, такую простую, дурацкую и прекрасную, что она за несколько месяцев превратила моего интровертного, любящего цифры мужа в страстного сексуального партнера.

Я была в таком восторге, что собрала свои записи и под покровом ночи систематизировала их. Мне хотелось рассевать копии этой Франкенкниги над землей и морями, чтобы ее увидел каждый несчастный, тонущий в унылом, затянувшемся браке. «Надежда есть! – кричала бы я в темноту из украденного сельскохозяйственного самолета для распыления, расшвыривая копии. – Вам больше не надо мириться с унылым дерьмом!»

Но вместо того, чтобы выучиться на пилота кукурузника для распространения своего труда, я решила сделать нечто

более солидное по качеству. Я решила все это ОПУБЛИКОВАТЬ.

Понятно, что меня могут уволить, вручить повестку в суд по делу о разводе и/или приговорить к обязательному посещению родительских курсов Отдела Защиты Семьи и Детства (которые будет крайне трудно посещать, если меня лишат водительских прав), едва хоть кто-то, с кем я знакома, прочтет все это дело, но моим девизом всегда было: «Последствия-шмоследствия». (Очевидно, именно этим и объясняется большинство событий этой книги.)

Я надеюсь, что-то из прочитанного тут поможет вам вдохнуть немного жизни в ваши коматозные отношения. Я надеюсь, вы хотя бы ненадолго отвлечетесь от собственной жизни, чтобы посмеяться над моей. Но, если не получится даже это, вы всегда сможете сказать своим друзьям, что Биби Истон посвятила вам свои мемуары... И это будет круто целых полторы секунды, пока ваши друзья не спросят: «Биби кто?»

Краткий словарь

*(Вебстер, дайте знать, если
вам тут что-то понравилось)*

Вандалический (прил.) – склонный к вандализму. В общем, чуть более красивая секси-форма слова вандальный.

Вразья (сущ., мн. ч.) – враги? Друзья? Зависит от времени суток и количества употребленного алкоголя.

Жопистон (сущ.) – комбинация слова «пистон» с другим. Пример: «Биби Истон через тридцать секунд вставит тебе жопистон, если ты не отвалишь от ее бойфренда».

Злений (сущ.) – 1. Гибрид злодея и гения. 2. Злобный

гений. 3. Представьте тут Сару Сноу.

Крутость (сущ.) – поведение того, кто крутой – мятежный, дерзкий и пугающий.

Ледифренд (сущ.) – друг женского пола, которого ты не хочешь называть подружкой, потому что ты достаточно чувствительна, чтобы понимать, что черные девочки терпеть не могут, когда белые называют их подружками.

Любимейший (прил.) – дурацкий способ говорить «самый любимый».

Мубот (сущ.) – женатый человек, который больше похож на робота, чем на человека. Этот киборг обычно послушен, целенаправлен, интровертен, ригиден в своем подчинении правилам и распорядкам, сексуально безразличен и против любых развлечений.

Мубошир (сущ.) – женатый человек, которого должно было бы тошнить от старой, вытертой вагины его жены, но который вместо этого ведет себя как ненасытная секс-машина, которая только что занюхала дорожку кокаина.

Менфренд (сущ.) – любовник, который уже достаточно взрослый и сильно старше тебя, так что термин *бойфренд* кажется тут глупым и неподходящим, как и сами эти отношения.

Недерьмово (прил.) – необязательно что-то милое, но и не совсем дерьмо.

Нищевродство (сущ.) – 1. Состояние нищеты. 2. Когда кто-то перебивается без постоянной работы и жилья, но при

этом носит кожаные штаны и полузаконченные татуировки.

Потусторонний (прил.) – находящийся в аду.

Сталка (сущ.) – персонаж, на котором заикливается сталкер.

Трубилей (сущ.) – ежегодное отмечание даты, когда чей-то партнер (мужского пола), который обычно не шевелится во время занятий сексом, словно незаинтересованный предмет, вдруг начинает заниматься любовью. Отмечание может включать (а может не включать) минуту молчания.

Туберкулезничать (гл.) – находиться в состоянии заражения туберкулезом.

Фансексостически (прил.) – так звучат слова *фантастически* и *сексуально*, когда их произносит кто-то, выпивший слишком много пино гриджио.

Франкенкнига (сущ.) – невнятная куча дневниковых записей, писем, фотографий, непристойных стишков и порнографических рассказов, которые какой-то идиот сложил вместе и попытался выдать за книгу.

Чувстлен (сущ.) – см. Эморекция.

Швайнфест (сущ.) – тусовка, состоящая в основном из членоносителей.

Эморекция (сущ.) – пенис, который отзывается в большей степени на эмоциональный, а не физический или визуальный стимул.

1. Мубот

Тайный дневник Биби

16 августа

Дорогой Дневник.

Этот придурок меня убивает.

Он только что вышел из душа. Он так близко, что я чувствую запах его геля для душа – «Ирландская весна». Его влажные волосы очень сексуальны, а борода как раз идеальной длины – достаточно длинная, чтобы быть мягкой, но не настолько, чтобы скрывать прекрасно вылепленные черты. Майка так облегает его бицепсы и натягивается на ровных выпуклостях груди... Я могу смотреть на него всю ночь. Собственно, я и смотрю – уголком глаза. Но мне этого мало.

Я хочу его трогать.

За те полчаса, что он плюхнулся рядом со мной и воткнулся в игру в телефоне, я придумала тысячу и один способ дотронуться и приласкать его. Я могу сплести свои пальцы с его или провести рукой по его твердой квадратной челюсти. А еще я могу игриво провести кончиками пальцев с мятно-зелеными ноготками по мускулам груди, а потом, когда привлеку его внимание, смогу оседлать его влажное, чистое, твердое тело и запустить те самые кончики пальцев во влажные волосы.

Но я ни фига такого не делаю, потому что знаю, что получу в ответ косой взгляд и движение в противоположную сторону.

Мой муж – скала. Не в том смысле, что *«Он такой сильный и надежный. Не знаю, что бы я делала без него»*. А больше типа *«Он, сволочь, такой холодный. Не знаю, есть ли у него вообще пульс»*. Представляешь, Дневник, Кен даже никогда не берет меня за руку. По крайней мере, специально. Когда он был без сознания, я, конечно, держала его руку, но, будучи в состоянии бодрствования, Кен всегда вежливо выносит неудобство человеческого контакта, ну, скажем, пять с половиной секунд, а затем настойчиво извлекает свою мягкую, вялую ладонь из моего захвата.

И с сексом у нас примерно то же самое. Будучи джентльменом, Кен будет лежать на спине, предоставляя мне делать с ним, что хочу, и время от времени занимаясь минималь-

но положенным петтингом. (Даже когда я старалась развлечь его и воссоздать сцену с мороженым из «*Пятидесяти оттенков серого*». В его защиту я могу сказать, что роль Кристиана играла я, потому что Кен, понятно, не знал сценария. И, надо признать, шум радионяни – не слишком возбуждающая музыка. И у нас дома почему-то никогда нет ванильного мороженого, как в книге. Мне пришлось взять вишневое с орехами, а его довольно трудно слизывать, потому что надо жевать все это в процессе. Но все равно. Хотя бы *немного* участия с его стороны не помешало бы.)

И уж точно вне зависимости от уровня представления я потом всегда целую и обнимаю прекрасное тело Кена, стараюсь выдавить из этого утеса в форме мужчины хотя бы толику человеческого тепла. И все это время я буквально слышу, как он считает про себя – *тысяча один, тысяча два, тысяча три*, – прежде чем похлопать меня по заднице, намекая, чтобы я наконец от него отвязалась.

По крайней мере, так все это выглядит.

Проблема Кена не в том, что он холоден – ему не нужно ни страсти, ни желаний, ни способности к близости. И именно эти качества сохраняют наш брак в стабильном состоянии и без всяких драм. Этот человек *никогда* ничего не нарушает.

Кеннет Истон стрижет газон, платит по счетам, соблюдает закон, осторожно водит машину, сортирует мусор. Он мубот. То есть такой киборг, созданный специально для того, чтобы вынести от семидесяти до восьмидесяти лет беспорочного

брака. Я *в жизни* не видела, чтобы он хотя бы взглянул в сторону другой женщины. Господи, да я даже на вранье его никогда не ловила.

Нет, проблема Кена в том, что он женился *на мне*.

Знаешь, Дневник, до встречи с Кеном я закручивалась в семьдесят три процента позиций Кама-сутры. Я сбрила большую часть волос с головы и вдела пирсинг во все части своего организма до того, как меня стали пускать на фильмы для совершеннолетних. Я проводила свободное время прикованной к разным предметам парнями, на которых было больше татуировок, чем на всех посетителях рок-концерта, взятых вместе. Кен не шел с ними ни в какое сравнение.

Так почему же, спросите вы, такая мелкая шлюшка, как я, взяла и вышла за такого добропорядочного человека?

Да все из-за *них*. Из-за того, как подскакивал мой адреналин и расширялись зрачки всякий раз, как только я чувала этот удушливо-сладковато-мускусный запах одеколона «Obsession for Men» от Келвина Кляйна. Из-за того, что вид проколотой нижней губы вызывает у меня желание снова начать курить. Из-за того, что, когда я вижу руку, покрытую татуировкой, мне хочется прыгнуть в автобус и бросить все, чего я с таким трудом добилась, прямо тут, в этом болотце возле дороги. Потому что к моменту, когда я встретила Кена, мои нервы были ни к черту, мое сердце еле пыхтело, и та стабильность, безопасность и нормальность, которые он мог мне предложить, стали целительным бальзамом для мо-

ей издерганной, траченой души.

Все эти покрытые чернилами мужики-дети из моего прошлого, может, и были отчаянными любовниками, но они не могли удержать ни свой член в штанах, ни свою задницу от тюрьмы, ни положительный баланс на своем банковском счету даже ради спасения собственной жизни. А Кен, напротив, был таким... простым, надежным и ответственным. Он носил «найки» и майки из «Гэпа». Его дом находился в его собственности. Он *бегал по утрам*. Его уголовное прошлое было таким же чистым, как его веснушчатые щеки. И в довершение всего у него была степень по... погодите... *по бухучету*.

Наверное, мне надо все же внести кой-какие поправки.

Поймите меня правильно. Я готова целовать пыль под ногами Кеннета Истона. Он – мой лучший друг, он – отец моих детей, и мы с ним на самом деле счастливы до смешного. Ну или, по крайней мере, я. Правда. Я счастлива. Ведь можно же быть счастливой и одновременно умирающей от скуки? Это называется слезы счастья. Счастливые, скучные – такие скучные слезы. Кен не склонен радоваться жизни и довольно уныл, так что трудно сказать, что он чувствует. Я предпочитаю думать, что он тоже счастлив. Но будем честны. Возможно, у Кена вообще нет никаких чувств.

Но что у него точно есть, так это квадратная челюсть с маленькой ямкой, в стиле Капитана Америка, и постоянная легкая щетина. И высокие скулы всем на зависть. И голубые

глаза, окаймленные кофейными ресницами, и светло-песочные волосы как раз такой длины, что спереди получается такой классный небольшой вихор. У него стройное мускулистое тело. И суховатое чувство юмора. Он блестящ, не зациклен на себе и легко переносит все мои придури.

Этот мужчина идеален для меня. Как минимум на девяносто процентов. Но в последнее время я не могу думать ни о чем другом, кроме как об этих несчастных меньше-чем-десяти-процентах, которых не хватает, – страсть и татуировки. Две вещи, которые мне надо было бы оплакать и забыть, чтобы сохранить мой прекрасный стабильный брак.

Но я не могу.

Татуированные плохие парни – это как наркотик, с которого я не могу слезть. Я поглощаю дурацкие любовные романы с антигероями, как будто это предписанная мне диета. В моем айфоне полно песен тысяч пыльных, татуированных рокеров из прошлого, готовых заполнить мою голову по одному нажатию кнопки, когда бы мне ни вступило. У меня куча кино про таинственных вампиров, преступных байкеров, самовлюбленных рок-звезд и переживших зомби-апокалипсис – альфа-самцов, в чьи покрытые татуировкой объятия я убегаю, когда мир вокруг становится слишком... домашним.

И знаете, что я поняла во время этих своих побегов в воображаемое преступное сообщество и на выдуманный бойцовский ринг андерграунда? Я же *знаю* этих мужчин. Я встречалась с ними – со скинхедом, ставшим морским де-

сантником, а потом основавшим незаконный клуб мотогонщиков, с отсидевшим срок стритрейсером с настроением идите-все-к-черту, с чувствительным бас-гитаристом, играющим хеви-метал...

Дневник, они же у меня *все были*. Как я раньше не замечала сходства между мужчинами своих фантазий и своими бывшими приятелями? А еще называю себя психологом!

Вообще-то я, скорее всего, и стала психологом из-за Рыцаря, моего бойфренда в старших классах школы. Чертов псих. Я расскажу о нем завтра. Кен собирается ложиться спать, а это значит, что у меня есть только пять минут на то, чтобы забраться в постель и поприставать к нему до того, как исторический канал усыпит его напрочь. Пожелай мне удачи!

2

Скелетон Тайный дневник Биби

17 августа

Рыцарь, Рыцарь-Рыцарь... С чего же мне начать, а, Дневник? Быть подружкой Рыцаря было почти то же самое, что жертвой похищения со Стокгольмским синдромом. Меня вообще не спросили – Рыцарь решил, что я *его*, и никто не мог сказать Рыцарю – нет. Но со временем я перестала его бояться, и мы подружились, а потом я даже полюбила своего захватчика с его тенденцией к психопатии и всем прочим.

Рыцарь был скинхедом. Поправка: он был *тем самым*

скинхедом — единственным на всю нашу провинциальную округу трех пригородов Атланты, чтоб быть точной. Он был настолько невероятно зол на весь мир, что больше никто, ни из какой группировки злобных-белых-мужчин в Старшей Школе Персикового Округа не мог с ним сравниться. Джоки слишком любили кучковаться. Панки, наиболее буйные и агрессивные, были излишне веселы. Детишки-готы были просто отсосы. Нет, ярость Рыцаря оказалась столь всепоглощающей, что ему ничего не оставалось, кроме как вступить в группировку с девизом: *«Я пришибу тебя, а потом оторву тебе руку и добыю тебя ею только за то, что ты дышишь со мной одним воздухом»*. И все школьные годы он оставался единственным членом этой группировки.

Я думаю, что ярость появилась у него с самого момента рождения, когда это тупое убожество, которым была его мать, назвало его Рональд МакНайт. Шел 1981 год, и, зная Кенди, можно представить себе, что она наверняка пыталась впечатлеть того женатого биржевика, который ее обрюхатил, назвав отпрыска в честь самого знаменитого республиканца, которого она только знала. (Имеется в виду Рональд Рейган, тогдашний Президент США.) А дальше, надо полагать, после лет, проведенных в качестве груши для битья у постоянно меняющихся, наверняка женатых приятелей Кенди, абьюзеров и алкоголиков, чувствуя себя тяжким бременем на плечах женщины, которая предпочитала собственному сыну все, что угодно, и в довершение всего будучи вы-

нужденным выслушивать бесконечные шутки про Рональда МакДональда, Рональд стал Рыцарем, а Рыцарь превратился в наводящий ужас кошмар.

У Рыцаря был такой симпатичный мальчишеский облик и заметное сходство с Эминемом – чистая кожа, короткий ежик платиново-светлых волос и почти бесцветные ресницы и брови. Но это призрачное бесцветие резко нарушали его пронзительные, ярко-голубые, ледяные глаза.

Рыцарь был худым, но крепко сложенным. Как уличный боец. Он никогда не пропускал уроки в спортзале (как будто в общественных школах больше нечему было учить) и однажды выиграл три сотни долларов у всей футбольной команды, подняв на спор штангу в полторы сотни килограммов весом – больше чем вдвое превышающую его собственный вес.

Какую бы историю он ни рассказывал, там неизменно была присказка: «Дело не в размере собаки в драке. Дело в размере драки в собаке».

И я вам так скажу – в самом Рональде МакНайте (или Скелетоне, как его называли в Старшей Персиковой, хотя *никогда* не осмеливались называть так в лицо) этой самой драки было выше головы.

Еще забавней того, что Рыцарь оказался единственным скинхедом в городе, было то, что он совсем не был расистом. Я никогда не слышала от него никакой арийской фигни и не видела, чтоб он носил какие-нибудь типичные нацистские цацки. У него в жизни не водилось ни свастика, ни железных

крестов.

Уже тогда имея склонность к психологии, я так заинтересовалась отсутствием фашистской символики, что набралась храбрости и однажды спросила его об этом.

Вместо того чтобы вскинуть руку в воздух, салютуя «*Зиг Хайль*», Рыцарь быстро огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что нас никто не слышит. После чего, наклонясь ко мне так близко, что я почувствовала на шее его дыхание, он прошептал: «Вообще-то я не расист. Я просто всех ненавижу».

И я ему поверила. Этот засранец действительно ненавидел всех.

Ну, или я так думала.

В 1996 году на планете жило пять миллиардов человек. Рональд «Рыцарь» МакНайт ненавидел четыре миллиарда девятьсот девяносто девять миллионов девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять из них. Он ненавидел своих родителей. Терпеть не мог друзей. Нарочно оскорблял незнакомых. Но, по какой-то непонятной причине, Рыцарь решил, что ему нравлюсь я. А быть единственным человеком, который нравится самому жуткому мальчику на планете, не так-то легко.

Когда я впервые встретила Рональда МакНайта, я была бесприютной, веснушчатой старшекласницей с оленьими глазами, копной волнистых светло-рыжих волос до плеч и дурацкой влюбленностью в Короля Панков, Ланса Хайтауэ-

ра. Я стригла волосы все короче и короче, добавляла все новые булавки на свой рюкзак и толстовку и пыталась во время обеда сантиметр за сантиметром подсесть поближе к Лансу за их элитным панковско-готским столом, где он председательствовал с самого первого школьного дня. (Как потом выяснилось, Ланс был совершенным и окончательным геем. Лучше бы я узнала это до того, как сбрила большую часть своих волос и сделала множество пирсингов в своих все возрастающих попытках ему понравиться.)

Рыцарь, который учился в предпоследнем классе, оказался за нашим столом случайно. Поскольку больше скинхедов в школе не было, панки привечали его, как ручную гремучую змею. День за днем он сидел, нахмутив брови и опустив голову, скреб вилкой по тарелке и время от времени бормотал: «Отвали», когда кто-то смел к нему обращаться.

Одним прекрасным сентябрьским днем я случайно услышала, как одна старшеклассница сказала за нашим столом своему покрытому пирсингом приятелю, что у Скелетона сегодня день рождения. (До сих пор не представляю, как кто-то мог об этом узнать, если только Рыцарь не проговорился об этом сам в качестве доказательства того, как ужасна его жизнь. Я могу себе представить что-то вроде: «Я на фиг не могу поверить, что моя чертова мать-шлюха сперла все мои сигареты и смотала из города со своим дебилом-муженьком в мой долбанный день рождения. Эй, козел, чего ты вылупил-ся?») Ну я и купила ему сэндвич с курицей.

Подойдя к столу с широкой улыбкой (надо сказать, я всегда была отвратительно бодрой и восторженной, и из меня могла бы выйти отличная чирлидерша, если бы я не была одновременно неловкой и полной протеста), я сунула ему этот сэндвич в лицо и завопила: «С днем рождения!»

В ответ Рыцарь поднял вечно хмурое лицо и пригвоздил меня к месту взглядом, похожим на две пронзительные вспышки голубого лазера. Я замерла, не в силах сделать вдох и с опозданием понимая, что только что ткнула пальцем гремучую змею.

Пока я собиралась с мужеством, готовясь к ответным действиям, злобная ухмылка Рыцаря вдруг смягчилась, скользнула куда-то вбок и исчезла прямо у меня на глазах.

Его брови, всегда сильно нахмуренные, разгладились и удивленно приподнялись. Ледяные глаза расширились, а губы приоткрылись в безмолвном выдохе. На его лице появилось душераздирающее выражение недоверия и благодарности. Как будто этот парень по кличке Скелетон никогда в жизни не получал подарков на день рождения. Я буквально слышала, как его доспехи с грохотом падают на пол, а передо мной стоит некто беззащитный, одинокий и несчастный.

Я не могла вымолвить ни слова. Не помнила, как дышать. Когда мои легкие начали гореть, я наконец оторвала от него взгляд и втянула в себя порцию воздуха, делая вид, что любуюсь своими новыми «мартенсами» (еще одна покупка, сделанная во имя соблазнения Ланса Хайтауэра), но было позд-

но. За эти секунды я увидела все. Жизнь, полную боли, жажду признания и цунами любви, только ждущих ту самую персону, которая окажется достаточно смелой – или достаточно глупой, – чтобы подойти поближе.

Я ожидала, что он подымет с пола доспехи и вернется к своей мрачности – в конце-то концов, подумаешь, дурацкий сэндвич, – но, к моему изумлению и ужасу, Рыцарь встал, указал на меня и заорал всем, сидящим за столом: «Вот почему Биби – единственный чертов человек на этой планете, которого я могу выносить! Никто из вас, козлов, даже не подумал про мой день рождения! – Обведя всех и каждого пронзительным взглядом и напугав до усрачки, он закончил: – Как же я вас всех ненавижу!»

У Скелетона была тяга к драме.

Оцепенев, я беспомощно наблюдала, как он снова опустился на скамью с довольной улыбкой только что нажравшегося льва, явно удовлетворенный сценой, которую устроил, и потрясенным молчанием, воцарившимся в столовой. Я стояла во всем зале одна, как дура, и все пялились на меня, включая Рыцаря, который взирал на меня с широкой, хищной улыбкой Чеширского кота.

Внезапно мне захотелось отменить покупку.

Видишь ли, Дневник, я-то думала, что покупаю только куриный сэндвич и, может быть, если повезет, немножко хорошего отношения от парня, который хотел Убить-Вас-Всех-Доской-Со-Ржавыми Гвоздями. Только-то.

Рыцарь мне даже не нравился. Я не хотела с ним дружить (если представить, что это возможно в принципе). Он был злобным и страшным, и все, чего бы мне хотелось, так это чтобы он *не* орал на меня и *не* убивал. Кто бы мог подумать, что дурацкие полтора доллара купят мне это неизменное, Obsessive, постоянное обожание единственного в городе скинхеда?

И пока я стояла там, скрестив свои большие зеленые глаза с пронзительным голубым взором Рыцаря, стало ясно, что он собирается сделать меня своей, хочу я того или нет.

И поначалу я совершенно точно этого не хотела.

3

Вразья

Тайный дневник Биби

24 августа

До старшей школы я вообще целовалась только *однажды* – с Колтоном. Он был из тех адски симпатичных плохих парней с торчащими волосами, и я встречалась с ним в восьмом классе. Когда я говорю «встречалась», я имею в виду, что мы перезванивались, держались за руки в школе и на Хеллоуин вместе украшали дом туалетной бумагой. Колтон напоминал мне мужскую фею – не в смысле гея, а в смысле такое остроухое существо со взъерошенной копной волос и злобным

блеском глаз.

Черт. Погодите, это же я представляю себе Питера Пэна.

Ну да, Колтон напоминал мне Питера Пэна, такого секси, шкодливого Короля Потерянных Мальчиков.

Колтон жил вместе со своей замызганной, печальной матерью-одиночкой Пегги, которая, кажется, никогда не работала меньше чем на четырех работах. Пегги была тощей как жердь, с длинными, мутно-сероватыми светлыми волосами. Она без проблем помещалась в свой облегающий, приталенный гардероб 1983 года. В ее тонких, трясущихся пальцах всегда была такая же длинная сигарета «Вирджиния слимс», а голос был таким хриплым, как будто она проводила целые дни, не обмолвившись ни с кем ни словом.

На Пегги было буквально написано, что в восьмидесятые она была музыкальной фанаткой, так что, насколько я знаю, отцом Колтона был один из основателей группы «Whitesnake». Но, кем был он ни был, его дом в Лас-Вегасе наверняка в разы лучше той дыры, где жила Пегги. И поэтому Колтон никогда не оставался с ней дольше чем на несколько месяцев подряд.

Во время последнего пребывания Колтона у Пегги, они практически усыновили Рыцаря – отчасти потому, что жалели его за несчастную жизнь дома, но еще и, как я подозревала, потому что у него была машина.

А потом, по своему обычаю, всего через два месяца после начала второго учебного года в старших классах, Кол-

тон уселся в международный автобус и отвалил в Лас-Вегас, оставив Пегги одну. И, поскольку ей нужен был сын, а Рыцарю – другая мама, он так и продолжал после школы возвращаться туда, как будто бы Колтон никуда не девался.

Вообще-то это было довольно мило. Рыцарь гулял с престарелой овчаркой Пегги и чинил все прогнившие, заплесневелые места в ее доме, пока она работала на одной из своих сорока семи временных работ. Он никогда не просил ничего взамен, но получил... ключ от ее дома.

Это было круто – не сам дом, ясное дело. Дом представлял собой разваливающийся кусок дерьма. Но он весь был в распоряжении Рыцаря, и Рыцарь позволял нам тусоваться там после школы. Холодильник Пегги был набит дешевым пивом, мы могли курить прямо в доме, и там был кабельный телевизор. Это был подростковый рай.

Каждый день вся наша панк-рок-компания отправлялась прямо к Пегги, разваливалась на ее колючих бесформенных диванах семидесятых годов (я старалась устроиться поближе к Лансу), открывала пиво и орала во всю силу своих легких, глядя на какого-нибудь безногого транссексуала или там байкера-лилипута, которого показывали в тот день в передаче Джерри Спрингера. Попутно распахивая бычки от «Кэмела» в уже и так переполненные пепельницы.

Рыцарь обычно проводил первый час этого дела, гуляя с собакой или ремонтируя что-то в доме. За это время я успевала надраться и всласть пофлиртовать с тем, у кого на ко-

лениях в тот момент сидела – не то чтобы это имело значение. Когда же Рыцарь заканчивал со своими делами, он плюхался в обтянутое серо-коричневой тканью кресло с откидывающейся спинкой с бутылкой пива в руке и пронзал несчастного придурка, с которым я в этот момент разговаривала, таким убийственным взглядом, что он вылетал за дверь еще до того, как моя костлявая задница касалась пола.

Так продолжалось неделями, пока в один прекрасный день я не осознала, что тут остались только Рыцарь и я. Я, в общем, понимала, что толпа как-то редет, но не понимала насколько. Я всегда приезжала к Пегги, потому что: а) мне было пятнадцать и у меня не было машины, и б) если меня предлагал подвезти кто-то другой, Рыцарь тут же заламывал ему руку за спину и тыкал его лицом в ближайшую машину до тех пор, пока он не отзывал свое предложение.

Я даже не могла вернуться домой на школьном автобусе, потому что жила не в прилегающем к школе районе.

К ноябрю нашего второго года в старшей школе Рыцарь как-то незаметно стал единственным способом моего передвижения после школы.

Каждый день, после звонка с последнего урока, хотела я того или нет, меня втягивало в толпу подростков, покидающих здание, крутило и вертело там, как одинокий лист в потоке, и выносило на переднюю лужайку, прямо к ногам Рыцаря. Он стоял, прислонившись к флагштоку, со сложенными на груди руками, и выглядел точно как скинхед по вер-

сии «Аутсайдера» – узкая белая майка, классические 501-е «ливайсы», перехваченные тонким красным шнурком, черные высокие ботинки со стальными носами и злобный блеск в глазах. Единственное, чего недоставало, – пачки сигарет, торчащей из-под завернутого рукава. Ну и волос, конечно.

Даже несмотря на то, что весь этот классический образ, уверенность в себе и явная склонность к насилию создавали достаточно сексуальную картину, Рыцарь все еще не нравился мне. В основном, наверное, потому, что подсознательно я понимала – он вполне может меня убить. Но, надо признаться, мне нравилось внимание. Сознание того, что вся школа видит, как этот современный Брандо ждет именно меня, давало мне возможность чувствовать, что я тоже хотя бы немного крутая.

Я всегда была такой странной, забавной, типа возвышенной девицей с безумной прической и одеждой в стиле Гвен Стефани. Меня все знали, потому что я выделялась из толпы своими ярко-красными, оранжевыми или лиловыми кудрями, блестящими тенями или штанами в леопардовых пятнах, заправленными в белые «мартенсы», – но я не имела никакого существенного влияния.

А теперь... Теперь я была *неприкасаемой*.

Я постепенно становилась *драгоценностью* Рыцаря. Его внимание ко мне было настолько сфокусированным, что я чувствовала себя под его взглядом, как букашка под увеличительным стеклом. Казалось, он стремится запомнить точ-

ную форму, размер и расположение каждой веснушки и каждого прыщика на моем лице. Господи, от этого меня просто корчило. До того как я встретила с Рыцарем, у меня никогда не было проблемы с тем, чтобы смотреть людям в глаза.

Сейчас, шестнадцать лет спустя, я все еще ловлю себя на том, что разговариваю с чьей-нибудь рубашкой.

Сперва мне было довольно страшно находиться с Рыцарем вдвоем, но я понятия не имела, как этого избежать. Не было автобуса, не было машины, и не было никого, кто рискнул бы связаться со скинхедом Скелетоном, предложив подвезти меня, а мои родители были на работе (ладно, один из моих родителей был на работе, а второй спал с похмелья). Так что Рыцарь вполне успешно стал моей единственной опцией.

И я ею пользовалась, потому что, собственно, не понимала, что еще мне делать. Я никогда раньше не общалась ни с кем настолько злобным, агрессивным и мощным. Мои родители были просто мирными хиппи, курящими травку. У нас дома никто никогда не подымал ни голоса, ни рук. Господи, да мои родители не всегда могли толком поднять веки.

Так что я пыталась вести себя как будто так и надо. Именно так себя и ведут с крупными, страшными, непредсказуемыми тварями, которые могут убить, да? И я каждый божий день ездила с Рыцарем к Пегги, чтобы он был доволен, да и вообще старалась делать все, что только могла придумать для того, чтобы держать его строго во френдзоне.

И знаешь что, Дневник? Это работало.

Там, у Пегги, проводя долгие часы наедине за куревом, пивом и телевизором, мы с Рональдом МакНайтом по-настоящему подружились.

Когда мы были только вдвоем, Рыцарь становился совершенно другим человеком. Он был милым, искренним и заботливым. Он носил мой рюкзак, и открывал мне пиво, и давал мне прикурить, как *джентльмен*. Поймав меня врасплох, он щекотал меня до слез. А однажды, когда я пожаловалась, как дико у меня болят ноги из-за новых ботинок, он поднял мои ноги к себе на колени, осторожно снял с меня этот десятикилограммовый кошмар из кожи и стали и принялся растирать мне ступни своими большими, грубыми руками.

Именно в такие, непривычно интимные моменты я иногда могла заставить Рыцаря немного раскрыться. Так я узнала и про его отчима, которого он ненавидел, и про череду мерзких приятелей, которые были до него, и про ярость, которую вызывала у него мать, и про тайное желание найти своего родного отца. Для начинающего психолога интенсивность этих разговоров была почти непереносимой. Я не только была потрясена бесконечной толщиной слоев тех доспехов, которые этот веснушчатый мальчишка вынужден был носить для своей защиты, меня к тому же страшно вдохновляло то, что я была единственным существом на планете Земля, которому было дозволено под них заглянуть.

И все то время, пока я думала, что разрушаю заградительные стены Рыцаря, он постепенно сносил мои. Он заставлял меня ощущать себя особенной. Он создавал у меня иллюзию безопасности.

А затем произвел захват.

4

Реквизит Тайный дневник Биби

25 августа

Дорогой Дневник.

Одним необычно теплым для декабря днем я обнаружила себя в доме Пегги, занятой особенно бурной щекотной схваткой с Рыцарем. Ну, то есть это началось как щекотание, но всякий раз, когда я вырывалась, этот чертов ниндзя догонял и ловил меня. Я удрала с дивана на пол, с пола – за кофейный столик, оттуда – в кресло, а оттуда – снова на пол перед телевизором 1950 года выпуска. С каждым новым за-

хватом мои усилия, чтобы освободиться, становились яростней, и я паниковала все больше. Сперва я просто щекотала его в ответ, потом начала вырываться, потом стала отпихивать, потом убегала по полу на четвереньках – но все это, казалось, только возбуждало его еще больше.

К тому моменту, как Рыцарь прижал меня, лежащую на спине, к полу перед телевизором, стало окончательно ясно, что то, что началось как игровая, безобидная забава, быстро переросло в полноценную контактную игру кота с мышью. И теперь эта игра закончилась. Кроме тяжело вздымающейся груди и отчаянно бьющегося сердца, я была совершенно обездвижена как ледяным взором Рыцаря, так и его жутко сильными ручищами, мускулы которых отчетливо выдавались под тесными рукавами футболки. И в этот момент я поняла, какой же я была тупой и неосторожной.

Мы с Рыцарем не были друзьями. Мы были хищник и жертва. Он охотился на меня больше года, и моя тупая задница только что угодила в его западню.

Не отрывая от меня ни рук, ни взгляда, Рыцарь медленно опустился на меня всем телом, четко обозначив свои намерения, и я сдалась. Ощувив дикий выброс адреналина, я приготовилась к тому, что со мной сейчас произойдет что-то страшное и потенциально кровавое. Предоставив телу справляться самому, мое сознание взмыло куда-то вверх, к заляпанному парами никотина потолку, и оттуда сквозь растопыренные пальцы наблюдало за разворачивающейся сце-

ной.

Но вместо того, чтобы разорвать и сожрать меня, Рыцарь приник к моим губам единственным долгим поцелуем. Шок от этой внезапной нежности был таким сильным, что сознание вернулось в меня, как щелчок натянутой резинки, и внезапно ко мне вернулись все ощущения – легкие наполнились запахом пыли и мускусного одеколона, губы ощутили тепло других губ, к груди прижималась твердая грудь, и каким-то образом сквозь смесь вкусов пива и сигарет пробился легкий мятный вкус жевательной резинки «Свежее дыхание».

Когда поцелуй наконец прервался, Рыцарь сделал еще одну неожиданную вещь. Он прижался своим лбом к моему и выпустил глубокий вздох. И я почувствовала, как разжался его захват на моих крошечных бицепсах. Грубые ладони скользнули по всей длине моих распростертых по полу рук до сжатых маленьких кулачков, которые он безо всякого сопротивления передвинул мне за голову. Его движения были такими четкими, а дыхание таким ровным, как будто он использовал весь свой самоконтроль до последнего, чтобы сдержаться и не разорвать меня на маленькие кусочки.

Да, мы точно были хищником и жертвой.

Я была уверена, что он чувствует, как мой пульс бьется в воздухе, исходя от меня, как звуковые волны от большого барабана, пока я лежала там, пытаясь подавить охвативший меня испуг. Когда к Рыцарю вернулось самообладание, он снова поцеловал меня.

Я не шевелилась, я и дышать-то не могла. Все оставшиеся во мне силы прилили к мозгу, который из всех сил пытался породить какую-нибудь внятную мысль, пока язык Рыцаря совершал у меня во рту неспешные вращательные движения, гипнотизирующие меня.

Когда он отпустил мои руки и в последний раз коснулся языком моей нижней губы, все мысли, которые мне так и не удалось сформулировать во время этого дела, ломанулись ко мне в голову сразу целой толпой. Я не знала, с какой начать. До этого я за все свои пятнадцать лет целовалась всего с двумя парнями, Колтоном и Брайаном, и это *никогда* не было вот так. Это было *круто*. Это было...

Черт... Что это было?

Я продолжала лежать на спине, придавленная к полу эмоционально нестабильным скинхедом-бодибилдером. Тем временем в моей голове из спутанного клубка наконец удалось вырваться одновременно двум мыслям. Первая: Рональд МакНайт в меня влюблен. Вторая: мне никогда от этого не спастись.

Какой-то части меня нравилось, насколько блестяще-особенной делало меня отношение Рыцаря и как страстно он ко мне относился. Мне даже, до определенной степени, нравилось, насколько он был доминантным, устрашающим и возбуждающим. Но другая, и гораздо большая, часть меня была напугана до потери пульса и правда, правда хотела, чтобы все вот это осталось нашей маленькой тайной.

Хотя Рыцарь никогда не причинял мне никакого вреда, я много раз видела, как он причинял его другим, причем иногда без всякой причины. А что он сделает со мной, если я ему откажу? Мне совсем не хотелось закончить свою жизнь в стиле «*Молчания ягнят*» где-нибудь под домом Пегги. Нет, отказывать ему было нельзя.

И мне не хотелось, чтобы нас открыто считали парой. Ну да, я-то знала, что Рыцарь никакой не фашист и не расистское чудовище, как считали все остальные, но больше-то никто об этом не знал. Что подумают мои друзья? Господи, да моя лучшая подруга, Джульет, была наполовину черной, наполовину японкой!

Черт, черт! Какая жопа! Это не должно открыться. И не откроется.

Мой маленький секрет прожил примерно дня три. Как выяснилось, Рыцарь разве что не кричал об этом с вершины горы. Он ходил за мной *повсюду*, целовал меня на прощанье перед всем классом, обнимал меня за обедом и метал убийственные взгляды на каждого парня, кто хотя бы поворачивал голову в мою сторону.

Черт, черт, черт. Каким-то образом я стала *подружкой* Скелетона, ручной гремучей змеи.

Он на всех уроках писал мне любовные записки с пугающими картинками и каждое утро приносил какие-то подарки – пакет печенья, одуванчик, сорванный для меня по дороге в школу, чью-то оторванную голову.

Для парня, чья репутация была построена на образе неприкасаемого и потенциально опасного, Рыцарю было потрясающе наплевать на то внимание, которое он привлекал. Его вообще не волновало, кто что подумает, увидев, как он, словно последний идиот, собирает цветы или рисует сердечки на всех своих тетрадках. Я только уселась за последнюю парту на последнем сегодня уроке, чтобы развернуть его очередную изящно сложенную записку, как мое внимание немедленно привлекли три слова, написанные его гадким, психическим ваша-дочь-у-меня-в-заложниках-гоните-деньги почерком. Он накарябал там что-то вроде:

ДОРОГАЯ БИБИ,

НЕ МОГУ НА ФИГ ДОЖДАТЬСЯ ВЕЧЕРА.
Я ПРИДУМАЛ ЧТО-ТО О ЧЕМ ДУМАЛ С ПЕРВОГО
ДНЯ КАК ТЕБЯ УВИДЕЛ. НЕ ВОЛНУЙСЯ. Я ЗНАЮ
ТЫ НАВЕРНО ДУМАЕШЬ ЧТО НУЖНА МНЕ
ТОЛЬКО ДЛЯ СЕКСА НО НЕТ.

Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ.

РЫЦАРЬ.

Все, что мог уяснить из этого мой девственный пятнадцатилетний мозг, были слова *волнуйся, секс и люблю*.

Господибожемой.

Мне пришлось вцепиться в края парты, чтобы не упасть.

Рыцарь хотел секса. Со мной. Через несколько часов. И, судя по крошечным уродским картинкам, накарябанным на краю его записки, он собирался заниматься сексом с рекви-

ЗИТОМ.

**Гарниры к хот-
догам, а не к сосискам
Тайный дневник Биби**

25 августа, продолжение

В тот день я надела в школу юбку. Я вообще не носила юбки, Дневник, но мне только что купили новые гриндерсы со стальными носами, и надо было, чтобы мой будущий муж Ланс Хайтауэр мог разглядеть их во всей их шнурованной кожаной красе. Они весили целую тонну, а стоили еще больше, но я думала, что, может, ну может же быть, если я докажу Лансу, что я не просто еще одна соплюха в «мартенсах»,

то он наконец поймет, что мы с ним родственные души, и вырвет меня из лап Рональда МакНайта. Ланс был ростом метр девяносто и крупный во всех нужных местах, так что, по крайней мере, на бумаге это казалось честным сражением.

Но, к несчастью, у моего плана были недостатки.

На самом деле Ланс был гораздо больше заинтересован в том, чтобы оказаться *за* Рыцаря, чем *против* него, если вы меня понимаете.

Так что, вместо того чтобы получить плохого парня своей мечты и свободу от скинхеда Скелетона, единственное, чего я добилась, так это того, что оказалась в двухсотдолларовых ботинках и короткой клетчатой юбочке, которая застегивалась на боку английскими булавками. Все это только подливало топлива в и без того полыхающий костер либидо Рыцаря, сокрушая его самоконтроль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.